

Г. Г. ЛИТАВРИН

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В БОЛГАРИИ в 1018—1185 гг.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение налоговой политики византийского правительства в Болгарии в период византийского господства¹.

В 1018 г. разоренная длительной войной и преданная феодальной знатю Болгария потеряла свою независимость. Для понимания политики византийского правительства в Болгарии в первые годы после завоевания необходимо принять во внимание, что и победительница — Византия также была истощена тяжелой войной. В Болгарию были стянуты основные военные силы империи. За время войны с болгарами пришла в упадок пограничная линия обороны империи в Малой Азии². О крайнем напряжении сил, о „неисчислимых ужасах“ этой войны никогда не могли забыть победившие в ней греки³. Сам Василий II заявлял в своем хрисовуле Болгарской архиепископии, что „не без крови, не без трудов и пота“ удалось довести войну до победного конца⁴.

Переход болгарской феодальной знати и высшего духовенства на сторону византийского императора еще не обеспечивал Византии прочных позиций в завоеванной стране. Болгарский народ был готов продолжать борьбу, что он и доказал в ближайшее время после завоевания Болгарии. Именно этого более всего опасался Василий II.

Лишь гибкая, осторожная политика могла упрочить византийское господство в Болгарии. Применение только насильственных мер грозило большими опасностями, и Василий II хорошо понимал это.

¹ Подавляющее большинство использованных в статье материалов относится к Западной и Юго-Западной Болгарии. Северо-Восточная Болгария с середины XI в. была в значительно меньшей степени подчинена Византии. Деятельность византийской администрации в этом районе зачастую сводилась лишь к военным мероприятиям против хозяйничавших здесь кочевников. У нас нет оснований отрицать наличие какого бы то ни было налогового гнета в этой части Болгарии с середины XI в. до 1185 г., однако в то же время мы не располагаем достаточными сведениями и для того, чтобы судить о степени и формах этого гнета. Поэтому выводы данной статьи не могут быть безоговорочно распространены на территорию Северо-Восточной Болгарии. В задачи статьи не входит также рассмотрение всей византийской системы управления Болгарией. Лишь известные особенности политики Византии в Болгарии в первое десятилетие после ее завоевания заставляют нас сказать о ней несколько подробнее.

² Attaliota. Historia. Bonnae, 1853, p. 229, 234; Zonara. Annales, PG. t. 134, Paris, 1864, col. 173.

³ Асрополита. Annales. Bonnae, 1836, p. 21.

⁴ Хрисовулы Василия II Болгарской архиепископии, в кн.: Е. Голубинский. Краткий очерк истории православных церквей (Болгарской, Сербской, Румынской или Молдо-Валашской). М., 1871, стр. 261.

Прежде всего он старается создать опору византийскому владычеству в Болгарии в лице болгарской феодальной знати и высшего духовенства. Он приближает ко двору болгарских феодалов, открыто перешедших на его сторону, и щедро награждает их. Правда, представителей бывшей правящей династии в Болгарии и наиболее знатных из болгарских феодалов Василий II предусмотрительно переселил из Болгарии, наделив их богатыми поместьями в Малой Азии. Но гораздо более многочисленная часть феодальных землевладельцев была оставлена Василием II на своих местах. Болгарские феодалы не только сохранили свои привилегии, но и получили возможность занимать некоторые важные должности по управлению страной. Скилица говорит даже, что Василий II оставил болгар после завоевания „под управлением их архонтов... так же, как это было и при Самуиле“¹. Об этом же пишет и Кедрин: „Ведь царь Василий, когда подчинил болгар, не желал вообще ни делать нововведений, ни изменять положения, а хотел оставить у них прежнее устройство, чтобы они управлялись таким же образом, как это установил когда-то Самуил“². Действительно, среди должностных лиц империи в Болгарии и в соседних с нею районах при Василии II и при его ближайших преемниках источники упоминают и болгар³. В своих хрисовулах Болгарской архиепископии сам Василий II повторяет несколько раз, что он ничего не изменил в Болгарии после ее завоевания⁴. Разумеется, эти слова не следует понимать буквально: мы увидим, что в значительной мере это был демагогический прием.

Еще определеннее источники сообщают об особой заботе Василия II о болгарском высшем духовенстве. Ф. И. Успенский полагал даже, что после завоевания Болгарии Византией привилегии болгарского духовенства на первых порах были еще большими, чем те, какими оно обладало при Самуиле⁵. Если этот вывод и не может считаться безусловно доказанным, то, во всяком случае, источники, относящиеся к первым годам византийского господства в Болгарии, свидетельствуют, что болгарское высшее духовенство вначале сохраняло привилегии, которыми оно пользовалось при последних болгарских царях. В своих хрисовулах Василий II особо подчеркивает, что положение болгарской церкви не изменилось с переходом Болгарии под власть Византии⁶. Болгарская церковь была объявлена автокефальной — независимой от константинопольского патриарха⁷. Некоторые из епископов Болгарии, изменившие родине и оказывавшие активную помощь византийскому императору в завоевании страны, были пожалованы Василием II особыми привилегиями⁸.

Болгарский буржуазный историк В. Н. Златарский придавал особенно большое значение тому факту, что Болгария после ее завоевания была превращена в дукат. Он видел в этом доказательство того, что Болгарии якобы была предоставлена со стороны византийского императора „внутренняя автономия“, что Болгария и под властью Византии продолжала оставаться единым административным целым, сохраняя многие из

¹ Scylitza. Excerpta ex breviario historico. Bonnae, 1839, p. 715.

² Cedrenus. Compendium historiarum. Bonnae, 1839, II, p. 530.

³ Ibid., p. 479, 483.

⁴ Е. Г о л у б и н с к и й. Краткий очерк истории православных церквей. . . , стр. 260, 261, 262.

⁵ Ф. И. У с п е н с к и й. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 18—19.

⁶ Е. Г о л у б и н с к и й. Краткий очерк истории православных церквей. . . , стр. 261, 262.

⁷ Там же, стр. 261.

⁸ Там же, стр. 261—262.

своих прежних институтов¹. Однако, обратив основное внимание на юридическую сторону дела, Златарский допускает, на наш взгляд, ошибку в оценке действительной организации византийского управления Болгарией.

В первые годы после завоевания Болгария оставалась единым административным целым², но во главе ее был поставлен византийский наместник (катепан, дука), наделенный широкими военными и гражданскими полномочиями и ответственный только перед императором. Болгарский архиепископ был объявлен автокефальным, но назначение того или иного лица на пост архиепископа, а иногда и епископа целиком зависело от императора, смещавшего и назначавшего церковных иерархов по своему произволу. Часть болгарских феодалов была оставлена Василием II на местах в качестве должностных лиц империи, но они были подчинены византийским чиновникам, которым были предоставлены в Болгарии все наиболее важные и ответственные посты. С первых и до последних лет византийского господства в Болгарии должности катепанов, стратиггов, анаграфевсов замещались только греками.

Василий II делал широковежательные заявления, будто бы он „ничего не изменил“ в Болгарии, но в то же время в крупных болгарских городах были поставлены сильные византийские гарнизоны, а крепостные укрепления некоторых городов были разрушены, чтобы болгары не могли использовать их в случае восстания против греков³.

Таким образом, все те мероприятия Василия II, которые дали основание Златарскому сделать вывод о „внутренней автономии“ Болгарии в первые годы после ее завоевания Византией, на деле представляли собою только маневр, рассчитанный на упрочение византийского господства в завоеванной, но не покоренной стране. Все эти мероприятия создавали только видимость самостоятельности Болгарии, которая в действительности не имела теперь и тени ее. Сохранение за болгарскими феодалами привилегий и допуск к некоторым государственным постам в самой Болгарии, а вне ее — даже к важнейшим из этих постов должны были повести к сближению болгарской знати с византийской. Этот процесс действительно начался уже вскоре после завоевания Болгарии.

Особую осторожность проявил Василий II в своей налоговой политике в Болгарии. При этом он также стремился сохранить видимость того, что с завоеванием страны в положении широких масс населения якобы не произошло никаких перемен. Согласно сообщению Кедрина, Василий II постановил, чтобы попрежнему, как и при Самуиле, „болгарин, имеющий упряжку (ζεύγος) волов, вносил в казну модий пшеницы, столько же проса и один кувшин вина“⁴. Византийские хро-

¹ В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове. Т. II. България под византийско владичество. София, 1934, стр. 26—28.

² Мы придерживаемся точки зрения болгарских историков (см. В. Н. Златарски. История..., стр. 112—114), утверждавших, что вначале власть катепана Болгарии распространялась и на фему Паристрион, лишь к середине XI в. подчиненную непосредственно Константинополю. Говоря о Болгарии как о едином административном целом, мы имеем в виду подчинение катепану Болгарии и стратиггов болгарских фем, число которых первоначально ограничивалось тремя, а впоследствии возросло почти втрое. Румынский историк Н. Банеску [N. Bănescu. Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie, Bucarest, 1946], полемизируя со Златарским, аргументирует точку зрения о независимости фемы Паристрион от катепана Болгарии и в первой половине XI в.

³ Scylitza, p. 716; Zusätze in der Handschrift des Joannes Scylitzes... hrsg. von Božidar Prokič. München, 1906, S. 37.

⁴ Cedrenus, II, p. 530.

нисты считают эту налоговую политику Василия II в Болгарии наиболее правильной. Характерно, что они говорят о ней только в связи с упоминанием о восстаниях болгар против византийского ига¹. Повидимому, одной из важных причин, обусловивших проведение такой политики, был страх византийских правящих кругов перед восстанием болгарского народа против новых, еще не утвердивших окончательно своей власти господ.

Есть основания думать, что Василий II проводил подобную налоговую политику и в других районах империи в первое время после их завоевания. Асохик (Степанос Таронский), армянский историк XI в., сведения которого считаются в литературе достаточно надежными², сообщает, что после подчинения Иверии Василий II даже „облегчил тяжелые налоги и положил конец грабегам и пленению“³. Целью такой политики и здесь было постепенное упрочение византийского господства в завоеванной стране.

Однако для правильной оценки налоговой политики Василия II в Болгарии следует учесть также то обстоятельство, что Болгария была страшно опустошена многолетней и жестокой войной с Византией. При сохранении налогов в прежних размерах выплачивать их разоренному болгарскому крестьянину было теперь гораздо труднее, чем раньше.

В последние годы правления Василия II Болгарию и Византию поразила страшная засуха. Император был вынужден отдать распоряжение в течение трех лет не взыскивать натуральных налогов⁴. Кедрин, у которого мы находим это сообщение, не говорит прямо, распространялось ли это распоряжение Василия II на Болгарию. Но некоторые другие данные позволяют дать утвердительный ответ на этот вопрос. Пришедший к власти в 1025 г. Константин VIII, несмотря на голод, который вследствие продолжавшейся засухи испытывала масса населения⁵, приказал взыскать налоги не только за текущий год, но и за те три года, когда жители империи были освобождены от них по распоряжению Василия II⁶. И уже в следующем, 1026 г. в ответ на увеличение налогового гнета и произвол местного византийского чиновничества вспыхивает восстание в Навпакте⁷. Из сообщения Кедрина явствует, что по отношению к „феме никополитов“, в которую входил Навпакт, и по отношению к Болгарии при Василии II и впоследствии проводилась тождественная налоговая политика. Говоря о востании жителей фемы Никополя в 1040 г. в связи с повышением государственных налогов, Кедрин сравнивает их новые размеры с теми, которые были при Василии II в Болгарии⁸. Наконец, по сообщению Кедрина, Василий II запретил в течение трех лет взыскание натуральных налогов, а именно налогами в такой форме и было обложено болгарское население.

В буржуазной историографии деятельность Василия II нередко крайне идеализировалась. Действительно, налоги в Болгарии при этом императоре были меньшими, чем когда-нибудь впоследствии. Однако причины

¹ Cedrenus, II, p. 530; Scylitza, p. 715.

² См. В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 200—201.

³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминим. М., 1864, стр. 204.

⁴ Cedrenus, II, p. 484.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid., p. 483—484.

⁷ Ibid., p. 482—483.

⁸ Ibid., p. 529—530.

этого заключались совсем не в личных качествах Василия II, как полагали некоторые ученые: византийское правительство вынуждено было пойти на временные уступки, так как империя была ослаблена войной с болгарами.

В ближайшее время, последовавшее за правлением Василия II, налоговый гнет в Болгарии неуклонно возрастает. Особенно тяжелым он был в царствование Михаила IV Пафлагонца (1034—1041 гг.), когда власть фактически оказалась в руках его близкого родственника, всемогущего временщика Иоанна Орфанотрофа. В стране снова царил голод. Он распространился, как отмечает Кедрин, на фемы Фракии и Македонии, Стримона и Фессалоники — вплоть до Фессалии¹, т. е. на значительную часть Западной и Южной Болгарии.

Несмотря на это, Иоанн Орфанотроф не только беспощадно взыскивал обычные многочисленные налоги, но вводил еще и новые обременительные поборы². „... Считая царство товаром для продажи, — говорит Кедрин об Орфанотрофе, — он наполнил мир бесчисленными несчастьями, так как судьи без страха облагали налогами, и никто не надеялся на изменение случившегося“³. Сообщая о том, как жители фемы Никополя „сами присоединились к болгарам“, оставшим в 1040 г., Кедрин указывает, что причиной восстания никополитов был произвол местного налогового чиновника, „ненасытность Орфанотрофа“ и „непомерность взысканий“⁴. И сразу вслед за этим сообщением Кедрин пишет о налоговой политике Василия II в Болгарии, противопоставляя ее той, которая проводится теперь и по отношению к болгарам, и по отношению к жителям фемы Никополя.

В Болгарии, по сообщению Кедрина, вместо натуральных налогов (εἰσῶν) Орфанотроф приказал взыскивать деньги. Вместо модия пшеницы, модия проса и кувшина вина — одну номисму. „... Не вынеся этого, — сообщает византийский историк, — ... болгары сбросили ромейскую гегемонию...“⁵. Один из позднейших византийских авторов — Глика также говорит о переводе натуральных налогов на денежный налог как о главной причине восстания болгар в 1040 г.⁶

Большинство историков считает, опираясь на эти сообщения источников, что недовольство болгар переводом натуральных налогов в денежный объясняется неразвитостью денежных отношений в Болгарии⁷. Это объяснение не совсем верно и во всяком случае недостаточно. Во-первых, основная часть налогоплательщиков — крестьяне пострадала от засухи, поразившей страну незадолго до этого. Повышение цен на продукты в рассматриваемый период могло облегчить уплату налога только зажиточным хозяевам в деревне, имевшим запасы хлеба. Основная же масса крестьян вряд ли воспользовалась высокими ценами на продовольствие, чтобы без ущерба для самих себя расплатиться с казной; большинство крестьян должно было выделить на продажу для уплаты денежного налога часть продуктов, в которых оно само остро

¹ Cedrenus, II, p. 518.

² Ibid., p. 521.

³ Ibid., p. 526.

⁴ Ibid., p. 530.

⁵ Ibidem.

⁶ Glusa. Annales. Bonnae, 1836, p. 589.

⁷ См., напр., Иван Снегаров. История на Охридската архиепископия (от основането и до завладяването на Балканския п/о от турците), т. I, София, 1924, стр. 64; Ю. Юрдановъ. История на българската търговия до освобождението. Кратък очерък. София, 1938, стр. 45; А. Бурмов. Феодализмът в средновековна България. ИП, кн. 2, София, 1945—1946, стр. 170 и сл.; История Болгарии, т. I, М., 1954, стр. 115.

нуждалось. Во-вторых, перевод на деньги натуральных налогов был сделан не в соответствии с обычными рыночными ценами, а с учетом более высоких цен. Согласно свидетельству Атталиаты, в обычные годы за одну номисму можно было купить 8—10 модиев хлеба¹. Теперь же в одну номисму был исчислен только один модий пшеницы, один модий проса, ценившегося значительно ниже пшеницы, и один кувшин вина. Сообщение источника не дает никаких оснований расценивать сделанный перевод налогов как какую-то временную меру. Установленный в соответствии со сравнительно высокими ценами денежный налог был определен и на будущее. Следовательно, для уплаты номисмы крестьянин должен был продать гораздо больше продуктов своего хозяйства, чем он вносил их ранее в натуральной форме.

Ошибочность утверждения, что причиной восстания явились „трудности продажи“ продуктов за деньги в Болгарии, видна хотя бы из того, что восстание началось прежде всего вблизи крупнейших городов — Белграда, Ниша, Скопле, Диррахия, Никополя², окрестное крестьянское население которых находилось в наиболее благоприятных условиях для сбыта продуктов сравнительно с другими районами Болгарии.

Учитывая все это, мы вправе сделать вывод, что перевод на деньги натуральных налогов с болгарского населения фактически представлял собою значительное повышение государственных налогов.

Налоги не были снижены и после одного из крупнейших болгарских восстаний 1040—1041 гг. Византийский военачальник Георгий Маниак, поднявший „мятеж“ против императора в Италии, в 1043 г. переправился в Болгарию. По сообщению Пселла, Маниак, оказавшись в Болгарии, „тотчас распорядился об уменьшении налогов“³. Этой мерой он рассчитывал привлечь на свою сторону местное болгарское население. Следовательно, налоги в Болгарии в это время были очень тяжелы, если Маниак считал достаточным их снижение для завоевания симпатий населения. Возможно, что после подавления восстания налоги в Болгарии еще более возросли. В Пирее (Афинской гавани) на статуе льва сохранилась руническая надпись, рассказывающая о „подвигах“, совершенных наемным отрядом норманнов при подавлении восстания 1040 г. Надпись гласит: „Гакон, вместе с Ульфом, Асмундом и Ерном... наложили (на жителей этой страны) значительные подати за возмущение народа греческого“⁴. Таким образом, особый сбор в пользу самих норманнов или увеличение государственного налога были сделаны в наказание за участие местного населения в восстании 1040—1041 гг.

Размеры налогов в Болгарии продолжали возрастать и в ближайшие десятилетия после восстания 1040—1041 гг. При Константине Мономахе, говорит Атталиата, взимались неслыханные налоги, „всюду стоял стон... наказываемых и влекомых к уплате, тюрьмы были переполнены приведенными в них людьми“⁵. Источники мало сообщают нам об особенностях налоговой политики в Болгарии в правление этого императора, однако, некоторые косвенные данные позволяют предпологать, что в это время во всех завоеванных греками областях проводилась особенно жесткая налоговая политика. Мономах, согласно Кедрину,

¹ Attaliota, p. 203.

² Cedrenus, II, p. 527, 530.

³ Μιχαήλ Ψέλλου ιστορικοί λόγοι, ἐπιστολαὶ καὶ ἄλλα ἀνέκδοτα. Κ. Ν. Σάββ. Μεσαιωνικῆς βιβλιοθήκης τόμ. Ε' Ἐν Βενετία — ἐν Παρισίοις, 1876, σελ. 138.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 272. Понимание слов „за возмущение народа греческого“ может быть различным, но плохая сохранность надписи заставляет быть осторожным.

⁵ Attaliota, p. 50.

распустил иверийское войско числом до 50 тыс. человек и „вместо набора стратиотов взимал с тамошних деревень многочисленные налоги“¹.

Очевидно, подобная же политика проводилась и в Болгарии, так как уже через 5—7 лет после Константина Мономаха войска, набираемые в Болгарии, были настолько слабы, что не могли оказать сколько-нибудь достаточного отпора печенегам, вторгавшимся в пределы Болгарии. Атталиата говорит, что причиной ослабления войска в Болгарии было разорение стратиотов, так как находилось в „пренебрежении стратиотское и акритское благосостояние почти всех налогоплательщиков, подвластных ромеям“². В более широких масштабах взимание повышенных налогов с крестьян вместо отбывания ими военной службы стало практиковаться при ближайших преемниках Константина Мономаха, но начал проводить такую политику уже этот император.

Особенно широко подобный метод „добывания денег для казны“³ стал применяться в 60-х годах. В нашем распоряжении имеются прямые свидетельства того, что при Константине X Дуке (1059—1067) наиболее тяжелые налоги взимались с завоеванного греками населения, главным образом, с болгар и владов. Во время его царствования, говорит Атталиата, поднялся ропот стратиотов, обязанных платить высокие налоги, и стратигов, которые должны были и собрать возросшее количество налогов, и организовать отпор варварским вторжениям „при расстроенном деле набора стратиотов“⁴. Причина вторжений печенегов заключалась, по мнению Зонары, в неправильной по отношению к стратиотам налоговой политике Константина X⁵.

Самые ценные сведения о налоговой политике Византии в это время (по отношению к болгарам) содержатся в „Стратегиконе“ Кекавмена и в анонимном „Слове об обязанностях царя“⁶. Кекавмен сообщает о господствовавшей тогда системе откупов казенных налогов. Много богатых домов, по его словам, было построено в Константинополе „благодаря казенным откупам“⁷. В 1066 г. в Фессалии вспыхнуло восстание болгар и владов. Известия о причинах этого восстания и о самом ходе его содержатся у того же Кекавмена; он был родственником Никулицы Делфина, которого восставшие принудили стать их предводителем. Как рассказывает наш источник, Никулица, занимавший должность правителя Лариссы, писал императору в самом начале восстания, что постарается „ликвидировать этот мятеж (μωύλτον), если ты (царь) послушаешься меня (Никулицу) и отменишь увеличение (налогов), которое ты сделал для них (болгар и владов), и дознания (о размерах имущества): ведь было сделано увеличение налогов, во много номисм“⁸. Следовательно, непосредственной причиной восстания 1066 г. было значительное повышение налогов именно для болгар и владов.

¹ Cedrenus, II, p. 608.

² Attaliota, p. 77.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 77, 84—85.

⁵ Zonara, col. 252.

⁶ Sessaumeni „Strategicon“ et incerti scriptoris „De officiis regis libellus“ ediderunt W. Wassiliewsky, V. Jernstedt. ЗИФФПУ, т. XXXVIII, СПб., 1896.

⁷ Ibid., p. 39.

⁸ Sessaumeni „Strategicon...“, p. 70. В. Г. Васильевский („Советы и рассказы византийского боярина XI века“. ЖМНП, ч. 216, СПб., июль, 1881, стр. 139) переводит слово φανερώσεως [дознания (о размерах имущества) по нашему пониманию] глаголом будущего времени 2 л. ед. ч. — „и объявишь об этом“ (т. е. об увеличении налогов). Мы не согласны с этим переводом. В другом месте (там же, ЖМНП, ч. 216, СПб., август, 1881, стр. 344) это же слово и в точно таком же контексте (αὐξήσεως καὶ φανερώσεως) В. Г. Васильевский переводит как „начеты“ (к налогам).

Сведения, содержащиеся в анонимном „Слове об обязанностях царя“, которое с большими к тому основаниями можно приписать самому Никулице Делфину¹, не оставляют сомнений в том, что налоговая политика Константинополя была далеко не одинакова по отношению к различным областям империи. Особенно тяжелыми и многочисленными налогами были обложены жители завоеванных Византией областей. Автор „Слова“ в своих советах императору касается в основном двух вопросов — налоговой политики и организации войска. „Не отягчай, — говорит он, — земли иноплеменных народов (ἐθνῶν), подвластные тебе... а то какое мы видим зрелище теперь — все большее увеличение поборов“². В другом месте он рекомендует императору: „... страны под властью твоей пусть не получают ежедневных увеличений налогов, дознаний (о размерах имущества), неслыханных, вновь изобретенных поборов; и тогда они не восстанут против тебя, но всею душою будут служить тебе, если будут ежегодно представлять в казну только посильные платежи“³.

Надо думать, что, давая такого рода рекомендации, Никулица, которого мы считаем автором „Слова“, опирается на собственный опыт, приобретенный им во время долгой жизни среди болгар и влахов, особенно в период восстания 1066 г. Укажем на буквальное совпадение того места из только что приведенного отрывка „Слова“, в котором говорится о нецелесообразности „увеличений налогов и дознаний (о размерах имущества)“, с подобным же выражением из „Стратегикона“ Кекавмена (αὐξήσεις καὶ φανερώσεις)⁴.

Мысль об опасности непрерывного увеличения налогов для населения завоеванных империей стран — главное соображение автора „Слова“ везде, где он касается проводимой Константином X налоговой политики. „Не стремись наживаться, — говорит он, — ни за счет столицы твоей (πόλιν), ни за счет окраинных стран, находящихся под властью твоей, ни за счет войска“⁵. Таким образом, от „ежедневных повышений налогов“, от бремени „непосильных платежей“ страдали, согласно этим свидетельствам, прежде всего „иноплеменные народы“, „окраинные страны“.

Провинциальный феодал, имевший возможность много раз наблюдать последствия такой налоговой политики, видит главную ее опасность в том, что она толкает завоеванные империей народы на восстания. А если верно отнесение авторства „Слова“ к Никулице Делфину, то эти сообщения приобретают еще большее значение. Во-первых, потому, что их автор, принимавший против своей воли участие в восстании 1066 г., имеет в виду в „Слове“ увеличение налогов именно на болгар и влахов не только в Фессалии, но и в самой Болгарии. Восстание болгар произошло, по его мнению, как раз в результате обложения их непосильными налогами. Во-вторых, Никулица Делфин — потомок болгарского феодала, и его советы императору свидетельствуют о страхе крупных болгарских землевладельцев перед восстанием болгарского народа против феодального гнета и иноземного господства. Никулица дает советы византийскому императору, каким образом можно вернее удержать в повиновении завоевателям болгарский народ, который ранее предали его (Никулицы) предки⁶.

¹ В. Г. Васильевский. Советы и рассказы... ЖМНП, ч. 216, август, 1881, стр. 316, 326.

² Сесаменуs Strategiconus... , p. 98.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 70.

⁵ Ibid., p. 97.

⁶ Ibid., p. 96.

Конечно, взимание чрезвычайно высоких налогов в Болгарии началось не при Константине X, а значительно раньше, о чем мы уже говорили выше.

Но, очевидно, разница в налоговой политике стала особенно разительной именно в 60-х годах XI в. Атталиата также пишет о том, что при Константине X Дуке в результате непомерных налоговых поборов страдали почти все жители завоеванных греками стран¹. Этот же автор говорит о пагубных для самой Византии последствиях обложения непосильными налогами болгарских свободных крестьян — стратиотов. Атталиата рассказывает о состоянии болгарского войска в то время, когда власть перешла к преемнику Константина X — Роману Диогену. Готовясь к походу против турок, Диоген собирает войска, в том числе и из Болгарии (ἐκ Βουλγαρίων)². „Можно было видеть, — пишет Атталиата, — прославившиеся отряды, состоявшие из немногих воинов, да и тех согбенных бедностью, лишенных оружия и военного коня“³. Именно это обстоятельство, согласно Атталиате, и объясняет слабость отпора в Болгарии вторгающимся в нее печенегам⁴.

70-е годы в области налоговой политики в Болгарии чрезвычайно напоминают время царствования Михаила IV Пафлагонца. Тогда, как и теперь, управление империей оказалось в руках корыстолюбивых и всемогущих временщиков (Орфанотрофа и Никифорицы); тогда, как и теперь, в результате невыносимого налогового гнета вспыхнули мощные народные восстания (восстание Петра Деляна и восстание 1072 г.).

Сравнивая эти два восстания болгар, Скилица говорит, что восставшие в 1040 г. болгары „не вынесли жадности Орфанотрофа“⁵, а в 1072 г. они восстали, „не вынеся жадности Никифорицы“⁶.

Никифорица использовал свое положение неограниченного владыки для собственного обогащения. При этом он заставил делиться с собою практоров и местных правителей теми доходами, которые они получали путем незаконных поборов и вымогательств. Никифорица требовал с них крупные взятки, поощряя тем самым их лихоимство и произвол⁷. Деятельность Никифорицы, говорит Зонара, привела к „изнурению людей и бедствиям“. А ничтожный император в это время „разучивал ямбы с Пселлом“⁸.

Налогоплательщики, особенно болгары, обнищавшие еще в предшествующее десятилетие, были доведены Никифорицей до крайней степени нищеты и разорения. В европейские владения империи в это время хлынули массы населения из азиатских областей, захваченных турками⁹. В связи с этим резко ухудшилось положение неимущих в западных областях империи, особенно в городах. Распространился страшный голод. Живые не успевали хоронить мертвых; в городах, по сообщению Атталиаты, трупы умерших лежали кучами¹⁰. Если ранее на номисму можно было купить 8—10 модиев хлеба, то теперь на

¹ Attaliota, p. 77.

² Scylitza, p. 668.

³ Attaliota, p. 104.

⁴ Ibid., p. 84, 85.

⁵ Scylitza, p. 715.

⁶ Ibidem.

⁷ Attaliota, p. 201.

⁸ Zonara, col. 277, 284.

⁹ Attaliota, p. 211.

¹⁰ Ibid., p. 211. См. также Scylitza, p. 725—726.

номисму продавался только один модий¹, а согласно Скилице² и Зонаре³ — только $\frac{3}{4}$ модия⁴.

О степени разорения болгарского населения в 60—70-х годах XI в. можно судить по данным одной из новелл Алексея I Комнина. Приблизительно, в 1095 г. Алексей I выдал хрисовул, повелевавший освобождать тех из рабов, которые могут доказать свое происхождение от свободных родителей. Рабы, говорится в хрисовуле, требовали освобождения, „доказывая свое право на свободу своим происхождением (ведь они говорили, что родились от свободных родителей, от болгар или им подобных, которых наше государство захватило в рабство)“⁵. Далее в хрисовуле сообщалось об обстоятельствах, при которых эти болгары попали в рабство. Рабы говорили, что „произошли от отцов — болгар и когда-то прежде, во время угнетавшего их голода, были по дешевке проданы родителями“⁶.

Болгары, требующие освобождения, — еще не старые люди (в хрисовуле идет также речь об их вступлении в брак). Следовательно, они были проданы своими родителями как раз в то время, о котором мы говорили выше, как о периоде особенно жестокого налогового гнета в Болгарии, т. е. в 50—70-х годах XI в.

О налоговой политике империи в Болгарии в последующее трехлетие (1078—1081 гг.) у нас нет сведений. У Атталиаты, целью „Истории“ которого является прославление царствовавшего в эти годы Никифора Вотаниата, мы находим известие, что последний упорядочил дело сбора налогов, ликвидировав так называемые временные поборы. Тем самым налоговые чиновники были будто бы лишены возможности наживаться под предлогом экстраординарных сборов в пользу казны⁷.

Облегчила ли эта мера положение трудящегося населения, в частности, болгарского, мы не знаем. Византийские авторы⁸, в том числе и Атталиата⁹, сообщают о „неразумной щедрости“ Вотаниата по отношению к своим приверженцам. Результатом ее было то, что Алексей Комнин, свергнувший Вотаниата, нашел казну пустой¹⁰ и деятельно занялся ее наполнением путем увеличения и беспощадного взыскания налогов.

Ценные сведения о невыносимом бремени налогов в Болгарии в почти сорокалетнее царствование этого императора, о произволе и бесчинствах местных налоговых чиновников, о бесправии и нищете болгарского населения содержатся в переписке болгарского архиепископа Феофилакта. Указывая на непосильное бремя государственных налогов в Болгарии, он пишет: „... клирики оголены и разорены; парики учтены и обобраны начисто (буквально — выскоблены ногтем); земля измерена прыжками блохи, ... все обыскано и взвешено...“¹¹. В одном из своих писем Феофи-

¹ Attaliota, p. 203.

² Scylitza, p. 714.

³ Zonara, col. 281.

⁴ „Пинакий“ — мера, равная $\frac{1}{4}$ модия. Согласно сообщению Зонары (col. 281) и Скилицы (p. 714), именно потому, что при Михаиле VII за номисму можно было купить только $\frac{3}{4}$ модия, этот император и получил прозвище „Парапинака“, т. е. „(модий) без $\frac{1}{4}$ “.

⁵ Jus. III, p. 402.

⁶ Ibid., p. 405.

⁷ Attaliota, p. 283.

⁸ Nicephorus Bryennius. Commentarii. Bonnae, 1836, p. 129; Annae Comnenae Alexiadis libri 15, vol. I. Bonnae, 1839, p. 170, 225.

⁹ Attaliota, p. 274.

¹⁰ Anna Comnena, vol. I, p. 170, 180, 225.

¹¹ Theophylactus. Opera omnia. PG, vol. 126, Paris, 1864, col. 316, B.

лакт сообщает, что парики Девольской епископии разбежались „из-за притеснения“ со стороны чиновников. Бежав, они „скрывались в лесной чаще“¹. В другом письме Феофилакт выражает опасение, что крестьяне одной из его деревень немедленно разбегутся, и „деревня сделается пустой“, если только они будут обложены обременительными государственными податями². Рекомендую дуге Болгарии ограничить набор войск в феме Охриды, Феофилакт снова говорит о бегстве болгарского населения, которое „полюбит земли чужбины, наплевав (sic!) на свою как на причиняющую им (болгарам. — Г. Л.) одни несчастья“³.

Эти известия дают основание утверждать, что при Алексее I Комнине (1081—1118) налоговый гнет империи в Болгарии еще более возрос. И не случайно Анна Комнина в своей „Алексиаде“ — панегирике отцу, „13-му апостолу“ на троне, по ее выражению⁴, ничего не сообщает как раз о тех сторонах деятельности Алексея I, которые касались проводившейся им налоговой политики. Очевидно, мероприятия Алексея I и в этой области Анна, по собственному ее признанию, предпочитает обойти молчанием⁵.

Современник Анны Комнины — византийский писатель Зонара следующим образом пишет о налоговой политике Алексея I Комнина: „... найдя номисму испорченной царями, бывшими прежде него, он (Алексей I) сделал ее медной для оплаты расходов царства, налоги же взимал полноценными золотыми монетами и теми (до него испорченными), но полузолотыми“, кроме того, „он еще новые виды взысканий взвалил на подданных“⁶.

Разоренное население Болгарии „прячется от практоров“⁷ и даже разбегается по лесам, покидая насиженные „отеческие места“⁸. Недаром для управления Болгарией Алексей I Комнин посылает наиболее верных людей из числа своих родственников: Иоанна Дуку, Иоанна Комнина, Константина Комнина, Никифора Вриенния. Недаром в разоренной Болгарии, по выражению Феофилакта, „бродит призрак войны“⁹, снова разгорается движение богомилов и вспыхивает несколько восстаний в центральной части страны.

Несмотря на огромные расходы в связи с многочисленными войнами и необходимостью откупаться от кочевников, наседающих с севера, Алексей I благодаря своей беспощадной налоговой политике оставил много денег в казне после своей смерти¹⁰. Это свидетельство Зонары подтверждает Никита Хониат, замечая, что императоры из династии Комнинов собрали деньги „обильным потом и разорением бедных“¹¹.

Налоговая политика Византии в Болгарии в последующие шестьдесят с лишним лет осталась прежней. Даже если бы налоги и не возросли, они становились бы из года в год все более тягостными для уже разоренного населения. Но, как сообщает Хониат, при Мануиле Комнине, налоги были снова увеличены. Мануил, — пишет Хониат, — „изнурял всех находящихся под его властью... и истощал необычайными налогами“¹². „Не утаю, — продолжает он, — что Мануил сделал прибавление

¹ Theophylactus, col. 529, B.

² Ibid., col. 473, D.

³ Ibid., col. 532, D.

⁴ Anna Comnena, vol. II. Bonnae, 1878, p. 300.

⁵ Ibid., vol. I, p. 81.

⁶ Zonara, col. 301.

⁷ Theophylactus, col. 500, B.

⁸ Ibid., col. 529, B.

⁹ Ibid., col. 376, B.

¹⁰ Zonara, col. 324.

¹¹ Nicetas Choniata. Historia, vol. I—II, Bonnae, 1835, p. 300.

¹² Ibid., I, p. 265.

налогов... не умолчу, что государственные должности при нем были предоставляемы на откуп¹. Однако Хониат оправдывает эти меры Мануила, утверждая, что они были вызваны необходимостью — тяжелым внешне-политическим положением империи. Он порицает только расточительность Мануила, бесцельно, с точки зрения этого историка, расходовавшего с таким трудом собранные средства².

Согласно Хониату, Мануил производил частые переписи имущества своих подданных³, как и его дед Алексей Комнин⁴. Во время похода против турок в 1177 г. один из воинов бросил в лицо Мануилу обвинение в том, что он „пьет кровь христиан, оципывая и обирая своих подданных“⁵.

Однако еще больше, чем поступало в казну, налоговые чиновники, говорит Хониат, выколачивали из населения в свою пользу⁶.

Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой (документ, относящийся ко времени Мануила) свидетельствует о дальнейшем разорении свободного болгарского крестьянства. Спасаясь от непосильного налогового гнета, болгарские крестьяне разбежались, бросая свои разоренные хозяйства. Упомянутым документом общинные земли, заброшенные болгарями, передавались монастырю⁷.

Положение еще более ухудшилось в начале 80-х годов, когда государственными делами заправляла погрязшая в пороках придворная камарилья, пользовавшаяся расположением царицы и ее фаворита протосеваста Алексея. Государственная казна и источники доходов государства оказались в их полном распоряжении. Одни из этих сановников, говорит Хониат, „подобно пчелам, расправляют крылья над епархиями и как на мед садятся на деньги, другие тайно помогают царства...“⁸.

Как раз в это время пришел к власти Андроник Комнин. Вопрос о характере его политики неоднократно служил предметом дискуссий в исторической литературе. В самое последнее время в советской историографии сделана попытка объяснения деятельности этого императора с точки зрения тех особенностей социально-экономического развития Византии и классовой борьбы в империи, которые характерны были для конца XII в. Политика Андроника Комнина, по мнению М. М. Фрейденберга⁹, представляла собой некоторые уступки угнетенным классам империи, уступки, на которые правящие верхи были вынуждены пойти в результате усиления борьбы народных масс против феодальной эксплуатации. Проводя эту политику, Андроник с чрезвычайной настойчивостью и жестокостью подавлял сопротивление оппозиционно настроенных крупных феодальных собственников и высшей чиновной бюрократии.

Вывод М. М. Фрейденберга нам представляется вполне обоснованным. Он подтверждается и анализом политики Византии в Болгарии во время царствования Андроника. Она существенно отличалась от той, которая проводилась там в предшествующий и в последующий периоды византийского господства. Поэтому, со своей стороны, считаем уместным выска-

¹ Choniata. Historia, p. 265—266.

² Ibid., p. 79, 266, 267.

³ Ibid., p. 267, 268.

⁴ Zonara, col. 301.

⁵ Choniata, p. 241—242.

⁶ Ibid., p. 268.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié en Macédoine. Éd. L. Petit. ИРАИК, т. VI, вып. I. Одесса, 1900, стр. 44.

⁸ Choniata, p. 297.

⁹ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. „УЗ Великолуцкого Госпедияститута“, Великие Луки, 1954, стр. 47—49.

зять здесь несколько соображений по поводу деятельности Андроника — дополнительно к тем выводам, к которым приходит М. М. Фрейденберг. Сделать это тем более необходимо, что, как мы полагаем, в противном случае не удастся объяснить особенности налоговой политики Андроника в Болгарии.

Давно уже было высказано предположение о том, что существует определенная связь между свержением с престола Андроника Комнина и болгарским восстанием 1185 г., в котором приняло участие и население районов, расположенных к северу от Дуная¹. Изучая переписку афинского митрополита Михаила Акомината, Ф. И. Успенский пришел к выводу, что во время царствования Андроника среди крестьян началось движение за реформы. „Царствование Андроника Комнина, — говорит он, — сопровождалось каким-то странным, дотоле небывалым движением среди крестьянского сословия. Поднят был вопрос о размежевании земель, о реформах в податной системе. И дело уже вполне необычное — крестьяне избирают от себя представителей и посылают их в Константинополь хлопотать по своим делам. Это движение... было, по всей вероятности, приостановлено высшею администрацией и местными властями и осталось неудовлетворенным. Но брожение не утихло...“². Эти предположения небезосновательны³.

Для правильной оценки деятельности Андроника Комнина следует, на наш взгляд, прежде всего принять во внимание те отношения, в которых он находился с правящими кругами Галиции.

Согласно Никите Хониату, Андроник занимал при Мануиле в течение некоторого времени должность дуки Браничева и Белграда⁴, а по сообщению Киннама—Браничева, Ниша и Кастории⁵. В это время он, очевидно, завязал какие-то отношения с Ярославом Владимировичем Галицким, и тогда же им была сделана попытка заключить союз с венграми для борьбы с Мануилом за престол⁶. Когда об этом стало известно Мануилу, Андроник был сослан в Пелагонию, т. е. также в один из городов Болгарии⁷. Переведенный затем в константинопольскую тюрьму, он бежал в Галицию⁸, одну из „топархий россов“, по определению Никиты Хониата⁹. В Галиции Андроник, „принятый правителем (ее) с распростертыми объятиями, оставался продолжительное время. И такой дружбы добился у него Андроник, что и охотился с ним вместе и был его сотрапезником“¹⁰. После своего возвращения из Галиции Андроник снова посетил западные районы Болгарии. Он участвовал в осаде византийскими войсками Землина, захваченного венграми¹¹.

Знаменательно, по нашему мнению, и то, что Андроник, став императором, вел особенно ожесточенную борьбу с малоазийской знатью. Приход к власти Андроника сопровождался смутами в Азии. „...Азиат-

¹ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. 225. СПб., 1883, стр. 85—87; его же. Образование Второго Болгарского царства, стр. 114, 115, 125. Приложения, стр. 31—39.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения, стр. 85.

³ См. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. СС, 1947, стр. 161.

⁴ Choniata, p. 133.

⁵ Cinna mus. Epitome rerum ab Joanne et Alexio Comnenis gestarum. Bonnae, 1836, p. 124.

⁶ Choniata, p. 133.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid., p. 171, 172.

⁹ Ibid., p. 168.

¹⁰ Ibid., p. 172.

¹¹ Ibid., p. 176.

ские города, — говорит Хониат, — были охвачены частыми восстаниями и войнами между соплеменниками¹. Восстания против Андроника в течение его царствования происходили именно в Азии. В Филадельфии пытался поднять мятеж крупный феодал Ватац². Задумавший мятеж против Андроника Комнина Андроник Лапард, один из стратигов тагм, посланный к Нишу и Браничеву для войны с венграми, „видя, что запад не пойдет ему навстречу и не поддержит движения против Андроника“, бежит на восток³. Там ему действительно быстро удалось найти единомышленников. В его руках оказались Никея, Брусса, Лопадий.

Не менее важно и следующее сообщение Хониата. Отправляясь в поход против Лапарда, Андроник „собрал всех стратиотов, сколько их было на западе и сколько на востоке еще не отказалось повиноваться“, взял мятежные города и жестоко расправился с мятежниками⁴. Вскоре после занятия престола, Андроник, стараясь ослабить противодействие крупной малоазийской знати, начал добиваться заключения брака между своей дочерью и побочным сыном Мануила. Когда многие представители высшего духовенства высказались против этого брака (предлогом являлась ссылка на родство молодых людей по материнской линии), Андроник заявил церковному собору, что выгоды брака будут исключительно велики, а именно — „согласие между востоком и западной частью (империи)“⁵. Лыстецы, говорит Хониат, превозносили проект Андроника, утверждая, что в результате этого брака „восток присоединится к западу“⁶. Следовательно, дочь Андроника, как и он сам, непосредственно входила в феодальную группировку как раз европейской части империи.

Ближайшие помощники Андроника, заслужившие его особую благодарность, получали высокие государственные посты именно в европейских епархиях. Соучастник Андроника в убийстве сына Мануила (Алексея) Иоанн Каматир был назначен архиепископом Болгарии⁷.

Если верить сообщению Никиты Хониата, Андроник ненавидел „латинян“, изгонял их из Константинополя, в том числе и тех, которые служили за плату и „терлись во дворце“⁸. Следовательно, под теми „варварами“, которых Андроник приблизил к себе, имеются в виду не „латиняне“, а представители других народов и вероятнее всего — жителей Балканского полуострова. Андроник, говорит Хониат, „имел вокруг себя копьеносцев из толп варваров и людей гибельных, довольных своим невежеством и в большинстве не знающих эллинского языка. Постельничих и привратников он всегда выбирал из этого необузданного сброда“⁹. Одним из самых близких к Андронику людей, „горячим слугой его желаний“, по выражению Хониата, был Иоанн с Тираса (Днестра)¹⁰.

Связи Андроника с феодалами Галиции не прерывались в течение всего его царствования. Примечательно, что опасный для Андроника как возможный претендент на престол Алексей Комнин (сын племянника Мануила) был сослан им в такое место, где он не мог бы найти сторон-

¹ Choniata, p. 341.

² Ibid., p. 342, 343.

³ Ibid., p. 359, 363, 375.

⁴ Ibid., p. 375.

⁵ Ibid., p. 337—338.

⁶ Ibid., p. 402.

⁷ Ibid., p. 355.

⁸ Ibid., p. 385.

⁹ Ibid., p. 418.

¹⁰ Ibid., p. 443.

ников и находился бы под бдительным надзором, а именно — „за границу к скифам“¹. Хониат имеет здесь в виду, несомненно, северные берега Дуная и, всего вероятнее, — Галицию. Связи Андроника с русскими князьями вызывают особую неприязнь Никиты Хониата, представителя той малоазийской знати, с которой боролся Андроник. Характерная деталь: репрессии Андроника по отношению к „латинянам“ этот историк называет подражанием „тавроскифам, узаконившим убийство иностранцев, от которых этот обычай привез много скитавшийся старец (Андроник)“². Любопытно, что среди росписей, сделанных по приказанию Андроника в церкви „40-ка мучеников“, было изображение „зубра, пронзенного копьем“: животное же это, замечает Хониат, „живет у тавроскифов“³.

Наконец, когда Андроник понял, что престол им потерян, а жизнь его в опасности, он решил бежать опять-таки к „тавроскифам“. „Он избрал, — сообщает Хониат, — страну тавроскифов, отвергнув (мысль о бегстве) в любую ромейскую епархию и иную чужеземную топархию как во враждебные по отношению к нему“⁴.

Дружественные связи Андроника с русскими князьями не могли не оказать влияния на его отношения с определенными кругами болгарской феодальной знати, с представителями которой к тому же Андроник не раз должен был общаться еще до своего воцарения — сперва во время своей службы, а затем — ссылки в Болгарии. Тесные экономические и культурные связи Болгарии с Русью никогда не прерывались совершенно и в XI и XII вв. Участие русских в народно-освободительной борьбе на стороне болгар в конце XII в. было, несомненно, подготовлено в более ранний период.

Не следует забывать, что пребывание Андроника в Болгарии относится ко времени, предшествовавшему восстанию болгар в 1185 г. Живший в Болгарии Андроник был для болгар человеком, подвергавшимся преследованиям со стороны византийского императора, против которого они готовили восстание:

Согласно сообщению Евстафия Фессалоникийского, болгары проявили особую стойкость в войне с норманнами-сицилийцами, которую пришлось вести Андронику. При защите Фессалоники от норманнов „вместе с войском“ пало до 7 тыс. „болгарских пехотинцев“⁵. И напротив, когда пришел к власти Исаак Ангел, он возвратил знати конфискованные Андроником земли и располагал поэтому для войны с сицилийцами „достаточным стечением народа из восточных городов“⁶.

Очевидно, неслучайно Исаак решительно отказал Асеням в скромной просьбе зачислить их в состав византийского войска и предоставить в пронию „малоходную деревню на Геме“⁷. Судя по сообщениям Хониата, Асени заранее предвидели этот отказ, решив использовать его в качестве предлога для начала восстания⁸. Все это наводит на мысль, что в борьбе с крупной малоазийской знатью император Андроник находил известную поддержку не только среди мелких и средних греческих феодалов из европейских владений Византии, но и среди болгарских

¹ Choniata, p. 384.

² Ibid., p. 405.

³ Ibid., p. 433.

⁴ Ibid., p. 452.

⁵ Eustathius. Opuscula. Ed. L. Tafel, Francofurti ad Moenum, 1832, p. 297.

⁶ Choniata, p. 466.

⁷ Ibid., p. 482.

⁸ Ibid., p. 482—483.

феодалов. Во всяком случае, после всего, что было сказано выше, такое предположение напрашивается само собою.

Для разрешения поставленного выше вопроса важно также попытаться выяснить, среди каких социальных слоев Андроник старался найти себе опору при проведении своих мероприятий. Интересно в этом отношении свидетельство Хониата о составе войска Андроника во время его борьбы за престол с временщиком протосевастом Алексеем. Войско это было слабее правительственного, посланного против Андроника, и состояло из „негодных земледельцев“ и отряда пафлагонских стратиотов¹. Под „стратиотами“ конца XII в., несомненно, следует понимать мелких и средних феодалов, недовольных засильем и притеснениями феодальной знати. Придя к власти, Андроник отблагодарил этих стратиотов богатыми дарами и присвоением „блестящих достоинств и высоких должностей“². Никите Хониату особенно претит то, что вместо знатных и богатых при Андронике быстро возвысились люди, не имевшие, как он говорит, „действительных заслуг“³. Что же касается „земледельцев“, то, вероятнее всего, это были свободные крестьяне, которых Андроник привлек какими-то обещаниями. Налоговая политика Андроника является доказательством того, что он видел необходимость уступок свободному крестьянству.

При приближении Андроника к столице население в подавляющем большинстве сразу же стало на его сторону. Особенно ждали прихода Андроника, по словам Хониата, люди, занятые „трудом своих рук“⁴, т. е. ремесленное население города.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, также сообщение Хониата о том, что в храме „40-ка мучеников“ Андроник приказал изобразить себя в одежде „многострадального поселянина“⁵.

Мы уже говорили о том, что в своей борьбе с крупной феодальной знатью Андроник находил поддержку преимущественно в европейских владениях империи. При этом некоторые данные позволяют утверждать, что он пытался опереться на мелких и средних болгарских феодалов.

Кроме того, меры, предпринимаемые Андроником во внутреннем управлении, были рассчитаны также на получение поддержки со стороны свободного крестьянства империи. И в этом случае у нас есть основания предполагать, что Андроник рассчитывал на поддержку и со стороны болгарского крестьянства, тех „болгарских пехотинцев“, которые защищали Фессалонику во время норманнского нашествия.

Мы совершенно согласны с М. М. Фрейденбергом, что страх перед усилением классовой борьбы угнетенных был главной и определяющей причиной политики уступок, проводившейся Андроником. На пути осуществления этой политики стояла крупная феодальная знать и высшая чиновная бюрократия, сопротивление которых Андроник и стремился преодолеть. Принципиально эта политика не была новой. Уже Мануил Никита Хониат обвиняет в том, что он пытался обуздать и подчинить своей власти крупную феодальную знать, обращаясь при этом с ее представителями „как с рабами“⁶.

Конец XII в. в Византии характеризуется появлением элементов феодальной раздробленности, усилением децентрализаторских тенденций со

¹ Choniata, p. 319.

² Ibid., p. 334.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 320.

⁵ Ibid., p. 432.

⁶ Ibid., p. 79, 187.

стороны крупной феодальной знати. Эта тенденция нашла особенно яркое проявление в период правления Ангелов и латинского завоевания, но она была заметна уже в годы правления Мануила и Андроника.

При анализе борьбы Андроника с крупной феодальной знатью за усиление центральной власти необходимо учесть также тяжелое внешнеполитическое положение империи в последние годы правления Мануила и в период царствования Андроника Комнина. Слабая центральная власть была неспособна справиться как с усиливающимся антифеодальным движением, так и с натиском внешних врагов империи и в Азии, и в Европе. При таких обстоятельствах Андроник Комнин, действуя в интересах всего класса феодалов и не посягая на основы его экономического могущества, неизбежно должен был войти в конфликт с наиболее крупными феодалами, стремившимися к полной независимости. Для расправы с особенно непокорными из них Андроник должен был привлечь на свою сторону представителей мелкого и среднего феодального землевладения, свободное крестьянство и ремесленное и торговое население городов.

Разорвавшееся и вовлекаемое в зависимость свободное крестьянство Андроник стремился удержать от участия в восстаниях вместе с феодально-зависимым населением и привлечь на свою сторону путем ослабления налогового гнета.

Мелких и средних феодалов Андроник привлекал раздачей им высоких должностей, титулов, а также, очевидно, поместий, которые он конфисковывал у крупных землевладельцев¹.

Уже Мануил, в поисках выхода из тяжелого внутреннего и внешнего положения империи, предпринимал попытки ограничить своеволие и децентрализаторские устремления крупных феодалов. По свидетельству Хониата, свергнувший Андроника Исаак Ангел также пытался „подражать“ в этом отношении Андронику, „состязаясь с ним в жестокости“². Однако Андроник Комнин проводил эту политику значительно решительнее, прибегая к гораздо более радикальным средствам.

Основные данные о внутренней политике Андроника содержатся в „Истории“ Никиты Хониата. Признания этого автора, свидетельствующие о некотором улучшении положения угнетенных масс населения при Андронике, тем ценнее, что вообще Хониат освещает его деятельность крайне тенденциозно, в невыгодном для Андроника свете.

Андроник, пишет Хониат, „великое корыстолюбие сильных так смирил и настолько укротил домогающихся чужой собственности, что в его царствование во многих епархиях, казалось, увеличилось число жителей. Ведь каждый... собрав урожай винограда и перенеся плоды земли в дом, радостно пользовался ими и с удовольствием отдыхал, не боясь угрозы сборщика налогов... но отдав кесарю кесарево, не боялся, что его налог будет удвоен, что налоговый чиновник отберет у него последний хитон, грозя и душу из него вытряхнуть“³. Одно имя Андроника, по словам историка, наводило ужас на тех практоров, „которые взыскивали помимо положенного“⁴. Они страшились теперь принимать даже „дарованное им добровольно“⁵. Чиновникам было обеспечено „большое содержание“, должности предоставлялись даром⁶, и „в короткое время... —

¹ Choniata, p. 334, 465.

² Ibid., p. 480, 556—557 sqq.

³ Ibid., p. 422.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

говорит Хониат, — большинство городов ожило и приобрело прежнее процветание. Андроник увеличил доходы казны — благодаря тому, что ликвидировал ущерб, который наносили им практоры, и установил точные размеры всех налогов вместо прежних частых взысканий, которые эти ужасные взыскатели податей превратили в ежегодные долги (штрафы — *ὀφλημα*), пожирая вместо хлеба подчиненный им народ¹. За короткое царствование Андроника, пишет Хониат, „города увеличились, земля дала урожай во сто крат, и продавалось недорого все, необходимое для жизни“². Согласно Хониату, далее, Андроник беспристрастно судил богатого наравне с бедняком, „был доступен для всех... и не взирая на лица, ... наравне с униженным судьбою привлекал к суду славного и родом и богатством, рассудительно выслушивал (и того и другого) и обвинял одинаково и приговор выносил, заслуженный надменным (богачом), который считал бесчестьем судиться с бедняком, если был уличен в том, что обижал или притеснял и бил кулаком ближнего“³. Хониат рассказывает об одном из таких приговоров Андроника. Вельможа Дадиврин при проезде взял у крестьян все необходимое для себя и своих лошадей, ничего не заплатив за взятое. Крестьяне пожаловались Андронику, и тот приказал наказать сановника двадцатью палочными ударами, а пострадавших вознаградить из казны в размере, превышающем их убытки⁴.

Безусловно, свидетельства византийского историка преувеличивают значение описанных выше мероприятий; причем суждения Никиты Хониата несколько противоречивы. Противоречивость эта отражает известную непоследовательность позиции части феодальных верхов, обусловленную тем внутри- и внешнеполитическим кризисом, который переживала в это время империя. Хониат пытается объяснить причины этого кризиса. Как представитель крупных малоазийских феодалов, стремившихся к ограничению императорской власти, он негодует на Андроника за умаление роли сенаторской знати в управлении государством⁵. Причины народных восстаний, обострения социальной борьбы в империи Хониат в основном видит в „порочности“ „толпы“, которую он ненавидит всеми силами своей души⁶. Но безудержный произвол знати и издевательства над народом, по мнению Хониата, также крайне опасны, так как учащают народные мятежи и увеличивают их размах⁷. В период тяжелых потрясений внутри государства и опасного положения, создавшегося на его границах, Хониат призывает феодалов к миру и единению⁸. Он понимает, что при создавшемся положении нужна сильная центральная власть⁹, что следует пойти на некоторые уступки низам, движение которых становится все более угрожающим. Упорядочение налоговой системы и ограничение произвола практоров представляется Хониату одной из тех необходимых мер, которые способны ослабить нарастающее народное движение. Поэтому Хониат, несмотря на всю свою ненависть к Андронику, одобряет его мероприятия, осуждая лишь жестокости, к которым прибегал император, натолкнувшийся при проведении своей политики на ожесточенное сопротивление феодальной аристократии.

¹ Choniata, p. 423.

² Ibid., p. 429.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 430.

⁵ Ibid., p. 334—335, 419, 437—440.

⁶ Ibid., p. 302, 304, 306, 344, 345 etc.

⁷ Ibid., p. 97, 265, 425, 429, 430.

⁸ Ibid., p. 593, 701, 802, 827.

⁹ Ibid., p. 297, 421, 425, 435, 554.

Две меры Андроника вызывают одобрение у Хониата: император произволил сбор налогов, определив их точные размеры, и ограничил произвол государственных чиновников. У нас нет оснований подвергнуть сомнению истинность этого сообщения историка. Напротив, оно подтверждается свидетельством брата Никиты Хониата — афинского митрополита Михаила Акомината. Судя по сообщениям последнего, можно заключить, что при Андронике началось движение крестьян Аттики за пересмотр размеров и характера государственных налогов в их местности¹.

Ф. И. Успенский справедливо указывает на исключительность подобного явления в истории Византии. Именно в это время крестьяне считали возможным добиться некоторых уступок со стороны правительства в области налоговой политики².

Андроник Комнин прежде всего ликвидировал незаконные поборы налоговых чиновников, использовавших свое положение для собственной наживы. Сама центральная власть до Андроника фактически санкционировала этот произвол чиновной бюрократии, продавая должности за деньги, применяя систему откупов, не брезгуя зачастую и взятками практоров, деятельность которых она должна была контролировать³. Характерно, что В. Г. Васильевский, изучавший систему налогового обложения в Византии, отметив удивительное многообразие налогов, пришел, однако, к выводу, что не столько количество налогов и общая их сумма были тяжелы для налогоплательщиков, сколько способ их взыскания⁴. Действительно, сборщики налогов выколачивали с населения значительные суммы сверх тех, которые были установлены законом. Едва половина денег, говорит Хониат, собираемых с населения при Мануиле Комнине, поступала в казну: остальное присваивалось налоговыми чиновниками⁵. У нас нет прямых свидетельств в пользу того, что Андроник уменьшил самые размеры государственных налогов. Но, тем не менее, совершенно очевидно, что фактически налоговый гнет вследствие обуздания произвола налоговых чиновников при Андронике определенным образом понизился. Может быть, были несколько снижены и самые размеры податей. По крайней мере, именно в этом смысле можно толковать одно место из уже приводившегося нами свидетельства Хониата. Он говорит, что Андроник „установил точные размеры всех налогов“⁶. Само установление точных размеров налогов могло заключаться и в их уменьшении. Нам представляется, что только так и возможно понять это выражение Хониата. И глагол, который употребил Хониат в этой фразе — *συστέλλαι*, — имеет также значение „уменьшил“, „сократил“.

В налоговой политике империи в ближайшее десятилетие после свержения Андроника наблюдается возвращение к старому курсу. Снова расцвел безудержный произвол чиновничества. Наиболее красноречивые свидетельства об этом содержатся в корреспонденции Михаила Акомината⁷, которой мы здесь не будем касаться. Царь, говорит об Исааке II Ангеле Никита Хониат, „подделывал серебро, чеканя негодные номисмы,...

¹ Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζόμενα. Ἐν Ἀθήναις, 1879—1880, Α', σελ. 307—308; Β', σελ. 48, 98.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения..., стр. 85.

³ Attaliota, p. 201.

⁴ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ч. 202, стр. 162; ч. 210, стр. 383.

⁵ Choniata, p. 268.

⁶ Ibid., p. 423.

⁷ Μιχαὴλ Ἀκομινάτου... τὰ σωζόμενα. Α', Β'.

увеличивал взыскания казенных налогов“ и „отдавал на произвол откупщикам государственные должности, как торговцы (продают) фрукты“. „Нередко чиновники рассылались по епархиям, не получая денег (жалованья)“¹.

При этом налоговая политика Исаака Ангела была неодинаковой в разных частях империи. Ранее было показано, что вплоть до начала 80-х годов XII в. в Болгарии, поработанной греческими феодалами, проводилась особенно обременительная для населения налоговая политика. Мы имеем основания утверждать, что лишь в царствование Андроника в этом отношении не делалось различия между Болгарией и другими областями империи. Теперь положение резко меняется. Отягчая непомерными налогами одни области и города, говорит Хониат, Исаак другие города благодетельствовал облегчением налогов, изливая потоки даров и милостей на церковь, монастыри, отдельных лиц². Мы считаем, что здесь под областями и городами, где при Исааке, а затем при его брате Алексее (III) были введены особенно высокие налоги, следует понимать прежде всего болгарские области и болгарские города.

Подтверждение этого мы находим у того же Хониата. Историк пишет: „... скупясь отпраздновать свадебный пир на деньги казны, (Исаак Ангел)... собрал их с близлежащих мест и, наконец, по своей мелочности, намереваясь обобрать и другие города, которые находятся близ Анхиала, сам против себя и против ромеев поднял на войну варваров на горе Геме“. „... найдя предлог, — продолжает Хониат, — в угоне их скота и в собственных бедствиях, они поднялись на знаменитое восстание (*ἀποστασίην λαμπράν*)“³. Еще более определенно об этом экстраординарном налоге, переполнившем чашу терпения болгар и означавшем возвращение к налоговой политике предшественников Андроника Комнина, сообщает Георгий Акрополит: „Когда же он (Исаак Ангел) хотел отпраздновать свадьбу — а она была царской — и нужно было, чтобы расходы оказались достойными ее, со всей епархии ромеев сгонялись овцы, свиньи, быки, но так как более, чем другие провинции, вскармливает их Болгария, от нее в большем количестве они и были потребованы“⁴.

Таким образом, подводя итоги обзору византийской налоговой политики в Болгарии, мы должны сделать вывод, что в период византийского господства в стране, исключая только короткое царствование Андроника Комнина, налоговый гнет все более возрастал. На завоеванной территории с болгарским населением были установлены особенно высокие и многочисленные государственные налоги. Теряя свои владения на Востоке, империя стремилась компенсировать убытки казны за счет беспощадного взыскания повышенных налогов с болгарского населения, доводя его до разорения и нищеты. Помимо государственных налогов, болгарское население разоряли также бесчисленные поборы со стороны византийских чиновников, наводнивших Болгарию и рассматривавших свои должности как источник быстрого личного обогащения. Они выколачивали с болгар в свою пользу суммы, намного большие, чем сами налоги.

В источниках нередко сообщается о жалобах населения на непосильные налоги, но еще чаще — о жалобах на произвол местных сборщиков налогов.

¹ Choniata, p. 584.

² Ibid., p. 585—586.

³ Ibid., p. 481—482.

⁴ Acropolita, p. 21.

Этот произвол представителей ненавистной иноземной власти в Болгарии был не меньшим, если не большим злом, который принесло с собой византийское иго. Поэтому мы считаем необходимым особо сказать о тех способах, которыми византийские чиновники собирали государственные налоги в Болгарии.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что самый принцип налогового обложения, принятый в империи и узаконенный центральной властью, открывал для практоров возможность таких злоупотреблений, вскрыть которые налогоплательщикам было крайне трудно и, следовательно, заведомый обман мог выглядеть как вполне „законное“ мероприятие налогового чиновника.

Ф. И. Успенский, отмечая чрезвычайную сложность расчетов, применявшихся византийскими землемерами, и указывая на темноту и заботливость крестьянина-налогоплательщика, писал, что принятая в Византии система измерения земли могла способствовать безудержному произволу практоров¹. Это, безусловно, правильно: сложность расчетов землемеров при измерении крестьянской земли, безграмотность и невежество налогоплательщиков помогали практорам обманывать их. Но этого мало. Порочен был сам принцип расчетов, производившихся землемерами. Не столько сложность расчетов, сколько узаконенная упрощенная формула для измерения земли давала возможность практору фальсифицировать результаты обмера и „законно“ взыскивать с налогоплательщика гораздо более высокие налоги, чем те, которые должны были взиматься с измеряемого участка.

Наиболее распространенным способом обмера земли был следующий: измеряли периметр участка, полученный результат делили на 4 (получая таким образом сторону квадрата) и частное возводили в квадрат. Для того, чтобы получить площадь в модиях, конечный результат делили на 200 (число единиц, содержащихся в одном модии земли, если измерение производилось оргией — саженью), или на 2 (число единиц, содержащихся в одном модии земли, если измерение производилось сокарем — веревкой, равной 10—12 оргиям)². Когда землемеры имели дело с участком квадратной формы, то указанный нами способ обмера полностью себя оправдывал — результат получался верный, так как сама эта формула и была рассчитана на квадратную форму участков земли. Но суть вопроса заключается в том, что эта рассчитанная на квадрат формула измерения земли применялась также и при измерении участков трехугольной и неправильной формы. А это вело к серьезным ошибкам: участки неправильной формы при сравнительно большом периметре имеют меньшую площадь, чем участки квадратной формы с таким же и даже меньшим периметром. С помощью этой формулы можно было правильно измерить только участки квадратной формы или участки, форма которых была бы близкой к кругу. Более того, участки круглой формы при подобном обмере оказались бы меньшими, чем их действительная площадь. Но участки круглой формы были, конечно, редким исключением. Трудно допустить также, чтобы при большом имущественном неравенстве внутри соседской общины и при крайней чересполосице участки большинства крестьян-налогоплательщиков имели квадратную или близкую к ней форму.

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. ЖМНП, ч. 259. СПб., 1888, стр. 240.

² Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. II, Одесса, 1888, стр. 279—282.

Правда, в инструкции землемерам рекомендуется в случае, если участок не имеет правильной формы, разбить его на ряд геометрически правильных частей и измерять каждую из них в отдельности¹. Но в распоряжении анаграфевса и практора была гораздо более удобная формула, а крестьянин едва ли мог подсказать рекомендуемый способ деления участка на части или настоять на нем. Ф. И. Успенский приводит в своей работе о византийских землемерах отрывок из одного землемерного трактата, в котором говорится, что при обмере земли крестьянин следил только за тем, чтобы сокарь имел на своих концах печати и не был короче установленного законом². Эта формула была употребительной и в европейских владениях империи, в том числе в Болгарии.

Действительно, при отводе земли монастырю Богородицы Милостиной, основанному на болгарской земле (близ Струмицы), землемеры пользовались именно этой формулой. Периметр всей отведенной монастырю земли, имевшей форму неправильного многоугольника, оказался равным 193,3 сокаря. Это „составляет, — сказано в акте отвода земли, — площадь в 1176 модиев“³. Проверим: $193,3 : 4 = 48,325$. Землемеры берут округленно — 48,5. Действительно: $48,5 \times 48,5 = 2352$ кв. сокаря. В одном модии 2 квадратных сокаря. $2352,25 : 2 = 1176,12$ модия.

Но здесь могут возразить, указав, что этим операции по вычислению не ограничивались. В самом деле, была еще одна операция — вычитание $\frac{1}{10}$ из суммы периметра. Но эта операция производилась, во-первых, далеко не всегда. Она предшествовала делению периметра на 4 только тогда, когда речь шла об измерении крупных площадей земли⁴. Во-вторых, эта операция предусматривала, главным образом, не устранение той погрешности в вычислениях, которую влекло за собой применение указанной формулы, а представляла собою скидку на негодную для использования землю — „овраги, пустоши, кручи, каменистые места — и лишь в том числе — извилины“⁵, т. е. на те погрешности в вычислении, которые могут случиться при таком измерении участка неправильной формы. Конечно, эта скидка, предусматривающая ошибки в вычислении от „извилины“ лишь в последнюю очередь, не могла серьезно исправить пресловутую формулу. Мало того, погрешности формулы существенно сказывались и при измерении участков геометрически правильной формы — вытянутых прямоугольников и треугольников, когда никаких „извилины“ не было, а следовательно, и скидка на них не производилась.

Укажем один пример такого обмера участка, имеющего как раз форму треугольника. Правда, акт, в котором сообщается об этом обмере, относится не к XI—XII вв., а к XIII в.⁶, но это доказывает только широкую распространенность, традиционность применения разбираемой нами формулы обмера земли.

Был подвергнут измерению участок земли, имеющий форму треугольника, со сторонами: 100, 110 и 62 оргии. Площадь его определена в 23 модия. Проверим: $100 + 110 + 62 = 272$ оргии; $272 : 4 = 68$; $68 \times 68 = 4624$ кв. оргии; $4624 : 200 = 23$ модия.

А на самом деле площадь нашего участка, треугольного по форме, с высотой, примерно, в 98 оргий, будет равна: 98 (высота) $\times \frac{62}{2}$ (основа-

¹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. . . , стр. 283.

² Там же, стр. 286.

³ La monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, т. VI, вып. I. Одесса, 1900, р. 43.

⁴ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. . . , стр. 280, 293.

⁵ Там же, стр. 279.

⁶ ММ, IV, р. 161—162.

ние) = 3038 кв. оргий; $3038 : 200 = 15$ модиев! Таким образом, площадь участка при обмере с соблюдением всех правил законной формулы увеличена более чем в полтора раза против своих действительных размеров.

Анаграфевс, который сделал бы такой обмер крестьянского участка, дал бы практору основание для „законного“ взыскания налога с крестьянина за несуществующие у него 8 модиев земли.

Конечно, подобный способ измерения земли при обложении ее налогами должен был влиять особенно отрицательно на положение мелких землевладельцев-крестьян; округлять свои владения, придавать им более правильную форму имели возможность лишь крупные землевладельцы, а не малоземельные крестьяне.

Существовали и другие способы измерения земли, в частности, при измерении участков прямоугольной формы применялся способ, дающий более точные результаты¹. Но участки правильной формы были скорее исключением, чем правилом. В трактате землемеров дается совет употреблять рассматриваемую нами формулу для измерения участков неправильной формы², каковые, очевидно, если учитывать лоскутность и чересполосицу земельных владений, чаще встречались в действительности.

Создается впечатление, что рассмотренный нами принцип измерения земли был узаконен правительством при полной осведомленности его о всех недостатках этого принципа. Ориентируя практора и анаграфевса на применение описанной формулы, казна никогда не оказывалась в убытке. Формула, очевидно, была специально рассчитана на измерение участков квадратной формы, т. е. такой, которая при наименьшем периметре дает наибольшую площадь, так что превращение этой формулы в универсальную было чрезвычайно выгодно как самому фиску, так и налоговым чиновникам.

Все это и объясняет нам те многочисленные жалобы на „неправильный“ обмер земли, которые нередко встречаются в источниках. Феофилакт называет анаграфевсов, производивших раскладку налогов, „разбойниками истины“³. Он просит не присылать анаграфевсов в его деревни⁴ и жалуется на практоров, „увеличивающих число зевгарей“ у крестьян во время определения размеров их имущества⁵, „поступающих при подсчете модиев самым нематематическим способом“ и „пренебрегающих законами геометрии“⁶. После одного из таких обмеров, произведенных анаграфевсом, Михаил Акоминат добивается нового, более точного обмера — определения, „сколько модиев в участках“⁷. Епископ Софии, по сообщению Феофилакта, указывал на приезд анаграфевса как на уважительную причину своего отсутствия на церковном соборе, так как боялся, „чтобы от него (анаграфевса) не случился материальный ущерб (епископии) при описи в отсутствие епископа“⁸.

Но кроме этого, „законного“ способа обирания налогоплательщиков, источники сообщают и о прямом произволе практоров, насилием и угрозами вымогавших с крестьян суммы сверх установленных казнологов. Практикатор, облагавший крестьян Феофилакта, заявлял: „Кто мне

¹ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. . . , стр. 290, 291.

² Там же, стр. 279.

³ Theophylactus, col. 433, В.

⁴ Ibid. col. 433, А.

⁵ Ibid., col. 448, С.

⁶ Ibid., col. 452, А.

⁷ Μιχαήλ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα. В', σελ. 66.

⁸ Theophylactus, col. 348, А.

господин? Во сколько оценю их (крестьян), столько и заплатите!¹ Недаром источники связывают причины многочисленных восстаний в империи с произволом местных практоров. Ненависть восставшего народа в первую очередь обращалась против этих чиновников². Стратиг области, сам стремившийся извлечь из своей должности как можно большие выгоды, был скорее покровителем и соучастником практоров, чем блюстителем законности. Интересно в этом отношении письмо Пселла к одному из стратигов. Пселл просит его быть снисходительным и смотреть сквозь пальцы на незаконные поборы практора, которому нужно поправить свое материальное положение³.

Господствовавшая в то время система откупчиков государственных налогов делала налогоплательщиков жертвой откупщиков и сборщиков налогов. Произвол последних был особенно велик именно в пограничных районах империи⁴.

Большие выгоды извлекало местное чиновничество при различных экстраординарных взысканиях казны, порядок взимания которых не был зафиксирован в налоговых практиках. Никифор Вотаниат был вынужден специальным указом отменить всякие временные поборы⁵, но другой своей мерой — прекращением выдачи жалованья чиновникам⁶ — вновь толкал их на путь злоупотреблений.

Наконец, широкие возможности для злоупотреблений, наряду с описанным выше методом измерения земли, открывало практорам и то, что заключение о качестве земли тоже делал анаграфевс. Михаил Акоминат, сетуя по поводу того, что афинский округ чаще других подвергается „описям и учетам“ и при этом „земля измерена прыжками блохи“ и „каждое растение взято на учет (как волосы на голове)“, отмечает, что с неплодородной песчаной земли Аттики практоры принуждают вносить большие налоги, чем с плодородных земель в других областях⁷. Феофилакт пишет, что практоры заставляют его вносить налоги за „разрушенные мельницы“⁸, т. е. за хозяйственные объекты, не приносящие доходов. Евстафий Фессалоникийский также говорит о „взысканиях с того, с чего нет доходов“⁹. Но и Феофилакт и Евстафий угрозами, обещаниями, взятками, заступничеством влиятельных друзей добиваются освобождения не только от произвольных поборов, но и от законных налогов. Легко себе представить, в каком положении оказывались простые крестьяне перед практором, поставившим целью обогащение за их счет.

Переписка Феофилакта дает нам наиболее полные сведения о произволе практоров в Болгарии во время правления Алексея I Комнина. А ведь при этом императоре имело место значительное укрепление центральной власти сравнительно с последним полустолетием до Алексея Комнина. „... Наши сборщики налогов, — пишет Феофилакт, — пожинаяют обрезки, оставшиеся от серпа; всегда изобретая новые формы стяжания, они не останавливаются ни перед увещеваниями, ни перед страхом человеческим... А если кто напомнит им о щаре и о мече, который

¹ Theophylactus, col. 449, C—D.

² Cedrenus, II, col. 482—483, 530, 549.

³ П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 190.

⁴ Scaumenus, Strategicon, p. 18, 97, 98, 103.

⁵ Attaliota, col. 283.

⁶ Bryennius, Commentarii, p. 129.

⁷ Μιχαήλ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα. Α', σελ. 307, 308; Β', σελ. 48, 49.

⁸ Theophylactus, p. col. 449, A.

⁹ Eustathius. Opuscula, p. 358.

вручен ему на страх злодеям, они высмеивают устаревшие речи и простоватость сказавшего... Поэтому, — продолжает Феофилакт, — клирики оголены и разорены, парики учтены и обобраны начисто, а земля измерена прыжками блохи и в действительности производит теперь для нас только тернии и чертополох¹. Феофилакт сообщает о взяточничестве налоговых чиновников в Болгарии: „Сверх того они берут различные подарки (*μελίμματα*), а всякий раз, когда их получают, смотрят в сторону, сердятся и запугивают тех, которые дали однажды, как обязанных давать всегда; а если не получают их снова, свирепствуют“².

В письме к епископу Видина Феофилакт пишет: „У тебя жестоки сборщики налогов? Но не более жестоки, чем в этих местах, где уведят в рабство одного из пяти детей, подобно тому как отсчитывают пятую или десятую голову скота“³. Жалуясь на „ненасытность и злонаравие сборщиков податей“, в другом своем письме Феофилакт говорит, что клирики не могли воспользоваться законными налоговыми льготами, так как практоры силою продолжали взыскивать с них все⁴. Более того, — пишет Феофилакт, „... скорее со стороны приписчика, чем со стороны описчика... к ним (клирикам. — Г. Л.) были прибавлены (фиктивные) зевгарии и скот, и они были подвергнуты взысканию не только с того, с чего имели право не платить, но были подвергнуты взысканию и сверх (этого). То же несправедливо потерпели они и по другим статьям“⁵. Когда Феофилакт добивался, чтобы его крестьяне „были описаны соответственно достатку каждого“, практор заявил ему, что поступит так, как ему (практору) будет угодно⁶. Стараясь воспрепятствовать переходу в собственность Феофилакту деревни, жители которой еще ранее „избрали архиепископию своей госпожой“, практор запугивал крестьян этой деревни — „тысячами способов устрашал село и селян, что каждого из них он обложит налогами свыше их сил“⁷. Практор заявлял, что в его власти обложить налогом „первого, как и седьмого“, счесть заслуживающим высокого налога обладателя несоответствующего для этого имуществом — и обложенный незаконно высоким налогом „будет вынужден заплатить столько“⁸.

Согласно Феофилакту, раскладка податей фактически зависела только от практора. Данные переписки Феофилакту создают впечатление, что произвол практора в этом отношении не имел границ. Практор, пишет Феофилакт, побуждал крестьян на выступление против архиепископа, „обещая в награду... желанное для них облегчение наложенных податей. Чего не может сделать практор, — восклицает Феофилакт, — имеющий власть этого унижить — того возвысить?!“⁹ Из-за „несправедливых и незаконных поборов“ практора Иасита, пишет далее Феофилакт, „бедные люди гибнут“¹⁰.

Намек на круговую поруку среди местных чиновников в деле ограбления населения можно видеть в сообщении Феофилакту о том, что он не был заодно с практорами, „воздерживаясь от их путей, как от нечи-

¹ Theophylactus, col. 313, C—D; 316, A—B.

² Ibid., col. 316, C.

³ Ibid., col. 337, B.

⁴ Ibid., col. 448, B.

⁵ Ibid., col. 448, C.

⁶ Ibid., col. 449, C.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., col. 457, B—C.

¹⁰ Ibid., col. 516, B.

стоты¹. Феофилакт ставит себе это в заслугу, стараясь объяснить таким образом ненависть к нему со стороны местных практоров². Они, по его словам, „нарушают привилегии церкви“, заставляют священников выполнять „грязные повинности“ и даже „используют их для домашних услуг“, запугав простой народ, „чтобы он боялся жаловаться дуге, защищая своих иереев, и стремятся для себя от них (священников) получать выгоды“³. Налоговый чиновник, подчиненный дуге Болгарии Таронтопулу, по сообщению Феофилакта, не выполняет указа самого дуги, об облегчении податей и повинностей священников района Полога, продолжая требовать их выполнения⁴. Стараясь польстить Никифору Вриеннию, бывшему некоторое время наместником Болгарии, Феофилакт в письме к нему заявляет, что только при нем „даже болгары не роптали“, а его помощники в Болгарии оказались лишенными прибылей, на которые надеялись⁵. Местное чиновничество в Болгарии иногда, если верить Феофилакту, чувствуя свою безнаказанность, пренебрегало даже императорскими распоряжениями. „... Я вижу, — пишет Феофилакт, — смятение сегодняшней жизни, жадность и корыстолюбие, и бесстыдство стяжания... исполняющих казенные дела (τοὺς τὰ δημόσια πράττοντας), скорее они грабители, чем сборщики податей — ведь божеские законы и царские приказания они считают паутиной, которая опутывает мух, но разрывается осой“⁶. Феофилакт опасается, что подобная политика в Болгарии вызовет восстание болгар. В наставлении Георгию Пакуриану (видимо, ближайшему родственнику известного полководца), получившему в Болгарии должность, связанную со сбором налогов, Феофилакт советует быть осторожным, ибо болгары уже обнаруживают „стремление к освобождению, ради которого они восстанут в будущем“⁷. „Зло стало им (практикам) в привычку“, пишет Феофилакт, народ, разоряемый (ими), запуган, они не боятся никакого наказания⁸.

Нелегко вести борьбу с практорами даже Феофилакту. И при императорском дворе ему приходится дать немало взяток, прежде чем он добивается содействия высшего чиновничества в спорах его с практорами. Придворные чиновники при этом, пишет Феофилакт, требуют так много, как если бы „кони рождали нам трижды в год“, а „пашни приносили жатву золотом“. „... и если бы не было возможности насытить этих людей желанными лакомствами, они поносили бы нас как могильщиков“⁹.

Феофилакт располагал этими возможностями. Умел он находить общий язык и с практорами. Благодаря взяткам, он снова получил от практика деревню, которая была у него „отнята царем“¹⁰. Более того, архиепископ не платил за владение ею никаких налогов¹¹. Добивался он и того, чтобы в его деревни не приезжали анаграфевсы¹². Стратиг и анаграфевс, не поладившие с Феофилактом, были смещены с занимаемых ими должностей¹³.

¹ Theophylactus, col. 456 A.

² Ibid., col. 424, C—D; 444, D.

³ Ibid., col. 516, D; 517, A—B.

⁴ Ibid., col. 525, C. См. поправки к изданному Минем тексту писем у Alice Leroy-Molinghen. Prolégomène à une édition critique des „Lettres“ de Théophylacte de Bulgarie. Byz., XIII, fasc. I, 1938, p. 260.

⁵ Ibid., col. 408, A.

⁶ Ibid., col. 405, A.

⁷ Ibid., col. 372, A—B.

⁸ Ibid., col. 381, C; 397, C.

⁹ Ibid., col. 400, C—D.

¹⁰ Ibid., col. 533, D.

¹¹ Ibid., col. 533, D; 536, A.

¹² Ibid., col. 433, A.

¹³ Ibid., col. 528, C.

Рассматривая вопрос о произволе практоров в Болгарии в свете данных переписки Феофилакта, мы не можем согласиться с В. Николаевым, который, проследившая борьбу Феофилакта с практорами, высказал несколько довольно противоречивых заключений и, наконец, сделал вывод о том, что в борьбе с практорами интересы архиепископских крестьян совпали с интересами их господина — Феофилакта¹. Ссылки Феофилакта на бедствия „сирых и убогих“, обильно уснащенные изречениями из Библии, на самом деле — не более, как лицемерное суесловие, призванное скрыть действительные мотивы ссор с практорами этого феодала. Интересно, что подобные лицемерные заявления Феофилакт делает только в тех письмах, которые он посылает наиболее видным сановникам империи или членам императорской семьи. В своих письмах к друзьям, в которых Феофилакт не видит необходимости прибегать к дипломатии, встречается совсем обратное — проявление ненависти к болгарам. Оказывается, практоры обвиняли Феофилакта в тех же злоупотреблениях, в каких он обвинял их, — и как раз в тех случаях, когда они говорили об его отношениях с простым народом. Точно так же практоры обвиняли Феофилакта в производе², насилиях³, тирании⁴, разорении народа⁵.

Ссоры Феофилакта с практорами — не более как распря между представителями одного и того же класса, порожденная стремлением присвоить возможно большую долю тех материальных благ, которые производил крестьянин.

Феофилакт отстаивал монопольное право на эксплуатацию своих крестьян и старался всячески избежать уплаты полагающихся с него государственных налогов. Практикеры же выколачивали из крестьян Феофилакта не только определенные законом налоги, но собирали с них немалую толику и в свою собственную пользу. Как мы видели, иногда эти „враги“ шли на компромисс, который достигался, однако, опять-таки за счет эксплуатируемого крестьянства.

Бесправие крестьянства еще более усилилось с развитием прониции и введением практики раздачи отдельным феодалам права сбора податей с той или другой территории⁶. Вместе с усилением крупного феодального землевладения росла независимость от центральной власти местных чиновников и феодалов, а следовательно, их бесконтрольность и своеволие. Во время четвертого крестового похода, как сообщает Хониат, стратеги отдельных областей враждовали друг с другом как независимые местные царьки⁷.

Страдало население и от бесчисленных повинностей в пользу государства: от постоя и обязанности содержать войска и чиновников, строить дороги, суда, крепости, предоставлять тягловых животных для перевозки государственных грузов, особенно в военное время, препровождать пленных и т. п. Анна Комнина сообщает, что во время войн с печенегамы Никифору Мелиссинскому было поручено провести набор воинов среди болгар и влахов, и он, выполнив приказ, явился к императору с собранными им людьми и телегами, запряженными волами,

¹ В. Николаев. Феодальные отношения в покоренной от Византии Болгарии, отражены в письмах к Феофилакт Охридский, архиепископ Българский. София, 1951, стр. 111.

² Theophylactus, col. 445, D.

³ Ibid., col. 445, A.

⁴ Ibid., col. 457, A.

⁵ Ibid., col. 445, C.

⁶ Choniata, p. 599.

⁷ Ibid., p. 827.

везущими снаряжение и все необходимое для воинов¹. Иоанн Киннам также говорит (и притом несколько раз) о „множестве телег и волов“, которые собирались по приказанию Мануила Комнина с западных владений империи для нужд войска во время военных походов². В эвкскусионных и иммунитетных грамотах обычно приводится длинный перечень различных должностных лиц, имевших право требовать в любых областях империи предоставления продуктов и ночлега для себя и своей свиты, а также корма для лошадей. Сообщая о причинах бегства париков Девольской епископии, Феофилакт, очевидно, имеет в виду насилия и грабеж населения со стороны таких чиновных лиц: „Ведь находясь у дороги, подобно виноградику у Давида, когда-то цветущему, но разграбляемому всеми проходящими мимо“, епископия подвергается различным бедствиям, и ее парики „разбежались из-за притеснений“³. В другом своем письме к дукe Болгарии Феофилакт просит прекратить набор воинов в „феме Охриды“, пожалеть маленькую фему, которая „лежит у дороги и для всех путников приносит спасение“. По словам Феофилакта, „она достойна быть пощаженной, чтобы и впредь спасала проходящих“. Не ради ее самой, замечает он, а ради этой ее роли следовало бы отнестись к ней снисходительнее⁴.

Нам представляется, что и здесь Феофилакт имеет в виду именно эту обременительную для крестьян повинность принимать на постой, повинность, которая была особенно тяжела в местностях, прилегающих к крупным дорогам того времени. А известно, что как раз через Девол и Охриду проходили такие дороги — из Диррахия к Константинополю и Фессалонике⁵.

К страданиям болгарского народа, проистекавшим от непосильных налогов и произвола византийской администрации, прибавлялись неисчислимы бедствия, вызванные военными действиями на территории Болгарии, которая в период византийского господства была ареной почти непрерывных войн. Нет необходимости перечислять здесь все случаи вторжения в Болгарию и ее опустошения печенегами, половцами, норманнами, венграми, крестоносцами. Особенно большой ущерб нанесли болгарскому народу крестоносцы, трижды в течение рассматриваемого нами времени прошедшие через территорию, населенную болгарами. Не лишне отметить, что на территории Фракии византийское правительство предпочитало договариваться с западными рыцарями, соглашаясь на выгодных для них условиях переправить их на азиатский берег. Напротив, когда крестоносцы проходили по территории Болгарии, то византийские войска получали приказы чинить „латинянам“ всевозможные препятствия, беспокоить их мелкими стычками, лишать продовольствия и т. п. Это еще более усиливало враждебные действия крестоносцев, срывавших свое ожесточение на мирном населении страны. Да и сами византийские войска в Болгарии вели себя как во враждебной стране. В значительной своей части они уже во второй половине XI в. состояли из наемников и союзных отрядов кочевников. После подавления восстания 1072 г. „франки и алеманны“ были, по сообщению Скилицы, специально распушены по местностям вокруг Преспы и разграбили всю

¹ Anna Comnena, I, p. 395, 399.

² Cinnamus, p. 199, 299.

³ Theophylactus, col. 529, A, B, C.

⁴ Ibid., col. 533, A.

⁵ Geographie d'Edrisi. . . , Tome second, Paris, 1840, p. 288, 290; W. Tomaschek. Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach dem Erkundigungen des Arabers Idrisi. SBAW, Philosophisch-historische Klasse, CXIII. Band, I. Heft. Wien. 1887, S. 370—371.

округу¹. Не отставали от них, по свидетельству Скилицы, и сами греки². Хониат отмечает, что во время стычек с крестоносцами в 1190 г. византийские войска около Охриды „разоряли собственную землю“³.

Страдало население и от мятежей феодальной знати, различные группировки которой выдвигали своих претендентов на престол. Чтобы добыть необходимые средства для осуществления этих замыслов, они вводили на занятой ими территории новые налоги и поборы, „выжимая, — по словам Атталиаты, — из населения не крови, а денег потоки“⁴. Такие мятежи не раз происходили на территории Болгарии в рассматриваемый нами период, как, например, восстания Георгия Маниака, Константина Диогена, Романа Диогена, Никифора Вриенния, Василиака и др.

Каковы были формы тех налогов, которые фикс взимал с населения Болгарии? У нас нет сведений, которые бы позволяли думать, что формы налогов в Болгарии были отличными от общевизантийских. Хрисовулы, дарственные грамоты, акты купли и продажи, относящиеся к территории с болгарским населением, составлены по общему шаблону; в них перечисляются те же формы налогов, какие существовали и в других районах империи. Безусловно, упоминаемые в наших источниках формы налогов составляют лишь незначительную часть всех категорий налогов, взываемых фиском в Болгарии. Не входя в детальное рассмотрение этой стороны вопроса⁵, ограничимся только следующими замечаниями.

Налоги с болгарского населения взимались деньгами и натурой (зерном, скотом, вином). Учитывалось все движимое и недвижимое имущество налогоплательщика. Крестьянин платил за землю под посевами⁶, под виноградниками⁷, десятину со всех видов скота⁸, „мелкого и крупного“⁹, за владение мельницей¹⁰, рыбными угодьями¹¹. Если верить Теофилакту, налогом облагалась чуть ли не каждая пойманная рыба¹². Теофилакт сообщает также о налоге, известном под названием аэрикон¹³, т. е. о судебной пошлине, регулярно взимаемой государством, и о подати под названием „отрочина“¹⁴, значение которой не вполне ясно. Бельгийский филолог А. Леруа-Молинген считает ее особой податью с землевладельцев за владение дулопариками¹⁵. В. Николаев отказывается высказать свое мнение по этому вопросу¹⁶. Предположение Леруа-Молинген представляется нам вполне правомерным. О подобном же налоге упоминает инвентарная перепись монастыря Богородицы Мило-

¹ Scylitza, p. 718.

² Ibid., p. 719.

³ Choniata, p. 535.

⁴ Attaliota, p. 263.

⁵ Считаю невозможным на том ограниченном материале, которым мы располагаем, выяснять сколько-нибудь детально категории византийских налогов в Болгарии. Что касается налогов конца XI—начала XII в., то мы можем немного прибавить к исследованию В. Николаева („Феодални отношения...“, глава III).

⁶ Theophylactus, col. 536, A; Μικαὴλ Ἀπομνημονίου τὰ σωζόμενα. Β', σελ. 65.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 30.

⁸ Theophylactus, col. 448, C.

⁹ Ibid., col. 449, A—B.

¹⁰ Ibid., col. 448, C; 449, A.

¹¹ Ibid., col. 448, C; 449, A.

¹² Ibid., col. 449, A.

¹³ Ibid., col. 517, A—B. См. исправления к изданному тексту писем у A. Leroy-Molinghen. Prolégomène à une édition critique... p. 257.

¹⁴ Theophylactus, col. 517, A—B; см. Byz., XIII, p. 257.

¹⁵ A. Leroy-Molinghen. Trois mots slaves dans les Lettres de Théophylacte de Bulgarie. „Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, t. VI. Bruxelles, 1938, p. 117.

¹⁶ В. Николаев. Указ. соч., стр. 184.

стивой, составленная в середине XII в. В конце переписи сказано, что помимо перечисленного у монастыря нет ничего — напротив, есть даже долги, которые образовались у монастыря „из-за практорского взыскания (ἐπιτήρειαν), сделанного под тем предлогом, что монастырь имеет зависимых от него (влахов) προφάσει ὑποχρέων Βλάχων“¹.

Как одну из основных категорий налогов, Феофилакт называет подать „зевгологий“: он готов был уплатить ее за владение землей на общих „со всеми“ основаниях, когда узнал о решении наместника Болгарии отнять у него эту землю². Но из хрисовула Алексея I Комнина от 1106 г. монастырю Богородицы Милостивой следует, что зевгологий уплачивался за владение животными. Монастырю даруется экскуссия 150 овец, 40 быков и коров, 10 кобыл (φορβάδων) и 6 зевгариев. При этом под „зевгариями“ имеются в виду упряжки волов, обрабатывающих землю в 500 модиев³. И пусть будет экскуссировано, сказано в хрисовуле, „всегда это самое количество животных от зевгология, аэрикона, пастбищного налога и от другой какой-либо статьи, взыскиваемой и с обрабатывающих землю упряжек, и с пасущихся животных“⁴.

Вполне возможно, что между этими двумя известиями нет противоречия: налог с рабочего скота, обрабатывающего землю, мог считаться одновременно и налогом с земли, которую эти животные могут обработать⁵.

Феофилакт упоминает также псомодземию (ψμοζήμιον), — также не совсем выясненный вид налога или повинности. Он называет ее одной из „грязных работ“, к которым чиновники противозаконно привлекают священников⁶. В практике от 1152 г. о передаче монастырю Богородицы Милостивой 12 париков и земли о псомодземии также говорится как о повинности. Мануил Комнин, сказано в практике, освободил переданных монастырю париков „от зевгология, пастбищного, пчельного, виноградного пакта, от аэрикона и от какого бы то ни было другого бремени казенного налога... и от ангарии, парангарии, псомодземии...“⁷.

Но, конечно, приведенные свидетельства недостаточны для каких-либо определенных выводов об этом виде повинности или налога.

Заканчивая обзор налоговой политики византийского правительства в завоеванной Болгарии, мы считаем нужным подчеркнуть еще раз, что по отношению к болгарскому народу, временно попавшему под иго византийских феодалов и византийского государства, проводилась особенно суровая налоговая политика. О том, какое место для доходов казны приобрели различные способы ограбления завоеванного болгарского населения, довольно определенно высказался современник описываемых событий — Атталиата, представитель служилой феодальной знати средней руки: по его словам, с завоеванием Болгарии „вместо прежней нужды“ в империи „явились изобилие“⁸.

Такая политика вызывала и не могла не вызвать отпора со стороны завоеванного, но не покоренного народа. Его борьба против иноземного ига усиливалась от десятилетия к десятилетью, пока не завершилась освобождением Северной и Северо-Восточной Болгарии и образованием нового Болгарского государства.

¹ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 124.

² Theophylactus, col. 516, D; 536, A.

³ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 30.

⁴ Ibidem.

⁵ В. Николаев. Указ. соч., стр. 182—183.

⁶ Theophylactus, col. 525, C.

⁷ La monastère de Notre Dame de Pitié, p. 36.

⁸ Attaliota, p. 234.